

A close-up, artistic rendering of a human eye. The eye is light-colored, and the pupil is dark. Inside the pupil, there is a reflection of a bright, sun-like light source breaking through a layer of white, fluffy clouds. The surrounding skin and eyelashes are rendered with soft, painterly textures.

**Меня на небе не ищи
Это настоящее**

Ясна Куц

Ясна Куц

**Меня на небе не
ищи Это настоящее**

«Автор»

2026

Куц Я.

Меня на небе не ищи Это настоящее / Я. Куц — «Автор», 2026

Катя Круглова – студентка третьего курса экономического факультета. В свободное от учебы время подрабатывает продавцом в антикварной лавке, страстно мечтает выйти замуж за своего возлюбленного Макара. Однажды на пороге ее магазина появляются двое молодых людей - Ваня и Костя. Никто из троицы пока не догадывается, чем обернется эта неслучайная встреча. Дороги, над которыми невластно время, истовая надежда на лучшее, борьба с собой и за себя - все сплелось в клубок, из которого предстоит соткать жизнь.

© Куц Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 14. Наяву	5
Глава 15. Внезапно	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ясна Куц

Меня на небе не ищи Это настоящее

Глава 14. Наяву

Новая мелодия будильника заиграла непривычно громко. Катя потянулась к тумбочке, но рука тут же обессиленно упала на кровать.

«Малой погиб», – эхом разорвали сон страшные слова.

Катя распахнула затуманенные глаза, приподнялась на локтях и свернулась калачиком от режущей боли в висках. Голова гудела. Спертый воздух душил. Тошнота настойчиво подступала.

– Это сон... Сон! – шептала Катя, уткнувшись липким от пота лицом в подушку.

Будильник зазвенел снова. Рука потянулась в сторону тумбочки, но опустилась не на прохладную гладь столешницы, а на нечто мягкое, теплое.

Катя медленно приподняла голову, зажмурилась что было сил и поморгала. Она проснулась в родительском доме, а рядом, на небольшой кровати, тихонько сопел ее маленький сын. Картинка перед глазами наполнилась красками, предметы обрели свои очертания. Катя вскочила от испуга, но тут же со стоном опустилась на колени. Одной рукой она держалась за бязевую простынь, комкая ее до красных костяшек в кулаке. Другая рука невольно потянулась к затвердевшему животу. Катя опустила глаза вниз. Тело забил озноб.

– Чего... – сквозь слезы пробормотала она, пытаясь вспомнить, что с ней случилось.

Страх пугал мысли. Тянущая боль внизу живота усиливалась. Тем временем безмятежно спящий Сева проснулся.

– Мама, пиет, – сказал сын, улыбнулся и уставился не по-детски понимающим взглядом на мать.

Катя вытерла слезы, сделала глубокий вдох-выдох и с опаской коснулась шелковистой, разогретой ото сна детской щеки кончиками пальцев.

– Привет, зайка, – прошептала она и провела рукой по его взъерошенной голове.

Сердце стало биться ровно. Катя почувствовала, как живот под ладонью обмяк, встала с пола и присела на край кровати. Сева неуклюже поднялся на четвереньки, подобрался ближе к маме и припал щекой к ее животу. Маленький человечек по ту сторону ответил толчком на прикосновение.

– Ма-а-ама, гьянь! – засмеялся Сева. – Бёт меня!

Катя дрожащими губами улыбнулась в ответ, крепко обняла сына и задумчиво уставилась в одну точку.

«Эм-м... Вчера мой Сева говорил, что хочет поступить в военное. Это было как наяву! А потом к соседям приехала скорая. Андрей сказал, что Ваня... – Катя зажмурилась. – ...погиб. И все. А сейчас я дома у родителей, моему сыну, получается, без малого два года, и я беременна вторым ребенком? Неужели это все был сон?!»

Сева освободился от объятий матери, слез с кровати и, потирая сонные глазки, пошел искать в куче игрушек свой любимый грузовик.

Катя встала тоже и с трудом направилась в гостиную. Ноги не слушались, будто и не ходили вовсе. Поясница ныла. Глубокий вдох беспомощно трепыхался в груди и проваливался в пропасть.

– О, доча! Ты уже проснулась, – застал врасплох отец. – А я вас проведать шел. Мы с мамой на работу. Чай и блины на столе.

Катя оцепенела.

Отец нахмурил брови.

– Дочь, плохо тебе? – забеспокоился он. – Бледная, как будто привидение увидела...

Катя закусила нижнюю губу и протянула руки к отцу. Максим Леонидович мельком взглянул на часы и шагнул вперед. Катя прижалась к отцу и расплакалась.

– Кошмары какие-то снились, – сквозь слезы пробормотала она.

– Моя хорошая... – ласково сказал отец, погладил дочь по спине и поцеловал в макушку.

– Ну все, я побежал, а то мама в машине ждет, ругаться будет.

– Мг. До вечера, – сдавленно ответила Катя.

Отец кивнул и поспешил на улицу.

В доме воцарилась тишина, которую ненарочно нарушало то тиканье часов, то гул работающего холодильника, то едва слышное шепуршание в комнате. Катя стояла посреди маленькой гостиной, свесив руки.

«Все хорошо. Все живы. Здорово ведь! Только почему мне на душе так тяжело?»

– Мама-а-а, ти де? – послышалось из спальни.

Катя вздрогнула. Ей отчего-то было непривычно, что рядом с ней беззащитный малыш, и его нельзя оставлять одного.

– Я здесь, сынок, – отозвалась она.

Чашка горячего чая согревала руки. Катя приподняла ее, дуновением разогнала полупрозрачную дымку и сделала глоток. Тепло разлилось по груди.

«Странно... Разве я не разбила эту чашку?» – наморщилась Катя.

В семье Кругловых у каждого была своя любимая кружка, в том числе и у нее. В том настоящем, на позднем сроке беременности, Кате ни с того ни с сего захотелось подбросить к потолку скопившиеся на дне любимой чашки капли воды. Она отвела руку назад, замахнулась и увидела, как кружка сделала сальто в воздухе и вдребезги разбилась о кафельный пол.

После завтрака Сева ушел в гостиную переворачивать мешок с игрушками, аккуратно собранный с вечера. Катя допила чай, включила воду в кране и подставила руку под струю.

«Почему я помню, что разбила эту кружку до рождения Раи? С чего я вообще взяла, что мою дочь будут звать так? – задавалась вопросами Катя. – Я чувствую воду на своей коже. Я чувствовала вкус еды, аромат чая, тепло своего сына. Боже... Сына... Почему я помню своего Севу взрослым, хотя он еще совсем малыш?»

Катя убрала вымытую посуду на сушилку в шкафу, отошла от мойки и едва не упала. Перед глазами все поплыло, в ушах загудело. Сева о чем-то громко щебетал в соседней комнате, но Катя его уже не слышала. Голова раскалывалась так, будто ее до хруста зажали в тисках, а потом медленно отпустили. Катя попыталась на ощупь дойти до стены, ухватиться за нее и ползком перебраться в гостиную, на диван. Но стоило оторваться руками от стола, ноги подкосились, как сухие пустотелые ветки.

Маленький Сева услышал грохот, подбежал к маме и постарался ее поднять. Он хлопал по бледным щекам Кати крохотными ладошками, жалобно звал и трепал за руку, но все тщетно. Мама не просыпалась.

Вспышка. Такая яркая, будто само солнце опустилось на землю. Картинки замелькали словно узоры в калейдоскопе. Лица повзрослевших детей, мамы, брата сменяли друг друга, где-то вдалеке слышался голос Вани. Он вел репортаж. Почему-то привиделась полусухая яблоня из бабушкиного двора. И орел, парящий над ней как предвестник чего-то страшного. Хоровод звуков, картинок исчез так же быстро, как и появился. Теперь перед закрытыми глазами тут и там стали проявляться красные круги, но через доли секунды их поглотила крошечная темнота. Катя услышала легкие шаги. Они приближались. Еще мгновение, и чья-то нежная рука опустилась не ее голову, нежно погладила. Красивый женский голос запел колыбельную

на непонятном, но каком-то родном языке. Катя не чувствовала тела, но ощущала, как успокаивается и засыпает душа.

Колыбельная закончилась до обидного быстро. Нежная рука перестала поглаживать в такт песне. Неожиданно послышался хлопок. Такой громкий, что мрак от него встрепенулся. Катя открыла глаза.

Голова еще побаливала, но не так сильно, как перед обмороком. Гул в ушах стих.

«Башка трещит, как после того эксперимента», – подумала Катя и сжала пальцами виски.

Она приподнялась на локте и увидела рядом с собой перепуганного сына. Малыш сидел, обхватив колени тонкими ручонками, и рыдал взхлеб.

– Сыночек, ты чего? Иди к маме, – прошептала она и протянула к нему руки.

Дрожащий Сева с опаской подполз к матери.

– Ма-мас-ка... ты... и... у-ме-ла...? – с трудом выдавливая звуки, спросил он и замотал головой.

– Ты что, зайка?! Нет, конечно! – ответила Катя и прижала к себе вспотевшего сына.

«Мой маленький. Маечку хоть выжимай», – с горечью подумала она.

Руки и ноги Севы были холодными, сердечко в маленькой груди колотилось бешено.

...

– Вы представляете, я им говорю: «До понедельника!». А они мне: «До какого? Сегодня четверг». Смотрю в телефон – и правда четверг! – услышала Катя обрывок разговора продавца и покупателя в магазине рядом с домом. После обморока ей не терпелось выйти на улицу и подышать свежим воздухом.

– Да я и сама подумала: «О, хорошо! Зарплата сегодня! Пятница же, четырнадцатое». А расчетчица наша говорит: «Ты че? Во-первых, четверг. Во-вторых, тринадцатое, ага-а», – поддержала покупательница.

Продавец перевела взгляд на Катю, улыбнулась и спросила:

– О, Катенька! Что ты хотела? Твое любимое печенье утром привезли.

Катя шла домой не спеша, поглаживая маленькую ручонку сына. Она смотрела по сторонам и не узнавала улицу родителей: у кого-то во дворе еще не выложена тротуарная плитка, где-то назло времени стоит перекошенная хатка, которую скоро снесут и возведут на ее месте новый дом, ну а кто-то из соседей доживает свой век, сам того не зная. После услышанного в магазине Катя всерьез задумалась: может, ее воспоминания о будущем – не плод воображения?

В обед Сева уснул быстро. Катя тихонько встала с кровати и пошла бродить по дому. Ходьба приводила мысли в порядок.

На душе по-прежнему было тревожно. Перед глазами отчего-то стояла довольно странная картина: скорая помощь с мигалками, соседи с бабушкиной улицы, Андрей, а в голове то и дело пульсировали его страшные слова: «Малой погиб».

«Да не сон это все! Не сон! – повторяла себе Катя. – А если не сон, то что?»

Она выписывала по дальней комнате очередной круг, но, приблизившись к деревянному стеллажу с комнатными цветами и маленькому дивану, вдруг остановилась, обхватила лицо руками.

«Мой папа жив. Ну так почему же я помню его похороны? Откуда я знаю, что его гроб стоял здесь, на месте этого самого дивана?!»

Катя подошла к окну, уставилась стеклянными глазами на улицу. Жизнь за двойным стеклом шла своим чередом: по грунтовой дороге ездили машины, мимо двора ходили школьники, в соседнем дворе на них неустанно лаяла маленькая собачонка, сосед напротив звал свою трехцветную кошку «Линду». Катя округлила глаза и почувствовала, как под сердцем что-то запекло.

«И он живой, что ли?»

....

На время ремонта во второй детской комнате Макар отправил жену и сына пожить к теще и тестю. Катя с замиранием сердца ждала, когда автомобиль мужа подъедет ко двору ее родителей. Возвращаться домой было страшно.

Евгения Васильевна шла за ручку с Севой, несла сумку с вещами и неустанно причитала:

– Не ругайтесь там. Видишь, как Макар старается!

– Хорошо, – сухо отвечала Катя.

Машина остановилась у ворот. Дверца хлопнула. Через считанные мгновения у калитки показался Макар.

– Здравствуйте! – громко поздоровался он.

– Привет! – кивнула Евгения Васильевна.

Макар поровнялся с тещей, взял у нее сумку из рук и подошел к жене. Катя остановилась как вкопанная.

– Солнце... – тихо сказал он жене и приобнял ее за плечи.

Катя слегка отшатнулась. Макар нахмурился, стер с лица едва заметную улыбку и ушел вперед.

«Мы женаты! Же-на-ты», – напомнила себе Катя.

Она догнала Макара, схватила его за руку.

– Подожди... Я же смотрю, что это у тебя, – сказала она, снимая с его бровей воображаемую паутинку.

– А-а-а, – улыбнулся Макар. – Я подумал, что видеть меня не хочешь.

Ночью Катя долго не могла уснуть. Воспоминания о том настоящем лезли в голову сильнее прежнего.

«Если я не сошла с ума, а действительно попала в прошлое, то с какой целью? По какой причине? – размышляла Катя. – Как же трудно держать все в себе».

Бок, на котором лежала, онемел. Катя попыталась перевернуться, но... Рая взбунтовалась! Живот заходил ходуном, а потом отвердел, словно гипс. Катя застонала, уперлась ладонями в матрас и привстала.

– Зай, все нормально? – пробормотал сонный Макар.

– Да, – сдавленно ответила Катя. – Рая буянит.

– Какая Рая? – переспросил муж.

Катя поняла, что осеклась.

– Дорогая, говорю, буянит... – выкрутилась она и шумно выдохнула.

– А-а-а... – протянул Макар. – Послышалось, что ты дочку как бабушку назвала.

Кате стало не по себе от слов мужа. Она облокотилась на спинку кровати, нежно погладила живот и мысленно обратилась к тому, кому ничего не нужно объяснять. Слезы покатились вниз сами собой. Катя захлопала носом.

– Ты че, плачешь? – раздраженно спросил Макар.

– Нет, нос заложило.

– Да что ж такое! – разозлился муж, вскочил с постели и вышел из комнаты. – Опять я не высплюсь сегодня!

Катя осталась в спальне одна со спящим сыном.

Ночь была тихой, ясной. Как тогда, в день рождения Севы. Лунный свет причудливыми узорами падал на постель сквозь ажурные занавески. Кате казалось, что в спальне от него не только светло, но и тепло. Она мысленно рассказывала обо всем, что не давало ей уснуть этой ночью. Перед рассветом, когда уже изредка кричали соседские петухи, ее веки обессиленно сомкнулись.

Дом бабушки. На кухне, покинутой за секунды до приезда скорой помощи в том настоящем, накрыт стол. За ним сидят повзрослевший Сева, Рая, двое других маленьких детей, мальчик и девочка, а с ними старец, не иначе как из сказки. Малыши наперебой что-то рассказывают. Старик смотрит на них и улыбается.

– О, доча! – радостно воскликнул отец и поставил на стол блинчики с подтаявшим кусочком сливочного масла. – Мы тебя заждались! Давай мой руки и за стол. К нам родственник издалека в гости приехал...

Сон оборвался на полуслове. Сева разбудил маму, чтобы попросить водички.

Катя напоила сына и вернулась в остывшую кровать. Внутри нее что-то болезненно жгло от тоски. Дыхание участилось. Горячая слеза обожгла переносицу.

«Мой дом. Мои дети, – вспоминала Катя увиденный сон. – Наша крайняя встреча. Как же я скучаю... И старца этого я уже видела. Папа сказал, что это наш родственник, и он приехал издалека. А еще сказал, что они меня заждались. Заждались в мире живых? На моей кухне? Так может быть, я либо умерла в том настоящем, либо была на волосок от гибели, потому и очутилась здесь? Тут все чужое. Все не мое».

Катя укуталась в одеяло, как в кокон, закрыла глаза и вздрогнула, будто упала в пропасть.

«Велея», - прогремело в памяти.

...

Первый день своего законного отпуска Максим Леонидович решил провести с дочерью и внуком. Они вместе проехали по магазинам, посидели в кофейне и отправились на новую детскую площадку рядом со школой искусств. Катя то и дело пыталась невзначай взять папу под руку, обнять покрепче.

Сева как заведенный резвился с другими детьми, а мама с дедушкой приглядывали за ним со скамейки.

– Пап, а поехали дом бабушки проведаем? – спокойно спросила Катя, а сама задыхалась от волнения.

– Макар не будет ругаться, что катаемся целый день? – пожал плечами отец.

Катя промолчала.

– У вас все нормально? – обеспокоенно спросил Максим Леонидович.

Катя потупила взгляд.

– Дочь?

– Слышу, пап... – тихо ответила Катя и отвернулась, ухватившись обеими руками за край скамейки.

– Рассказывай, что случилось? Если тебе плохо, не надо молчать. Хотя... Зачем я спрашиваю, если сам все знаю? – отец опустил глаза, сложил руки в замок.

– Я не хочу ехать к нему домой. Не хочу с ним жить. Я обязательно подам на развод, как только дети подрастут. Да, бегала я за ним в школе, как собачонка. Ну и что теперь? Всю жизнь за это платить? Нет того Макара, которого я любила. А может быть, и не было никогда, – обреченно ответила Катя.

От мысли, что придется заново пройти через годы ссор и обмана, горло засадило.

Отец обнял дочь за плечи и прижал к себе. Катя опустила голову на его плечо.

– Мое ты зернышко... Если тебе без него лучше, то уходи. Хоть дети у вас общие, но гробить себя не надо. Какой пример ты им подашь? Мол, мы из-за вас страдали и вы, когда женитесь, тоже страдайте? Ничего, справимся! Мать я беру на себя. Дом бабы Таи отремонтируем. Хочешь, будешь там с детьми жить. А хочешь, в квартиру бабы Зины переезжай. От кого еще ждать помощи, если не от родителей?

Катя подняла голову, взглянула на отца.

– Мама будет в бешенстве, да?

– Ну-у, поначалу – да, – развел руками Максим Леонидович. – Маму не знаешь, что-ли? Покричит и перестанет. Все будет хорошо! Думай о детях. Сегодня ему скажешь?

– Мг... – оживилась Катя. – Так что, съездим в дом бабушки?

– Грузитесь в карету, – махнул рукой отец и встал со скамейки.

Катя позвала сына, и три поколения Кругловых сели в серебристую «десятку».

Глава 15. Внезапно

«Вот сейчас он придет с работы, и я все скажу», – мысленно твердила себе Катя, остервенело натирая газовую плиту чистящим порошком.

Входная дверь хлопнула. Сева выбежал из кухни в прихожую.

– Папаска! – крикнул он и бросился к отцу.

– Привет, мой хороший! – ласково ответил Макар.

За стеной слышались тяжелые, торопливые шаги. Макар вошел в кухню с сыном на руках.

Сердце Кати сжалось в кулачок. От былой уверенности не осталось и следа.

– Привет, малыш! – ласково сказал Макар и поцеловал жену в щеку.

Перед ужином Катя не смогла выдавить из себя ни слова. Она старалась вернуть прежний запал, вспоминала обиды из того настоящего, но страх перед будущим и чувство вины путали по рукам и ногам.

Макар принял душ, уселся перед телевизором в гостиной. Катя по-прежнему хлопотала на кухне.

«Да соберись ты, размазня! Ничего не изменится!» – ругала она себя.

Макар неспешно переключал каналы. Громкие обрывки рекламы, фильмов, новостей раздражали. Катя с грохотом поставила в раковину два напеченных стакана, бросила губку и, вытирая на ходу руки о свой расклеванный сарафан, направилась к мужу.

– Не знаю, что включить, – задумчиво сказал Макар. – Зай, сделай мне чай, пожалуйста.

Катя присела напротив, на краешек кресла.

– Н-нам надо развестись, – произнесла она робко, не своим голосом.

Задорная реклама жевательной резинки промелькнула на экране яркими вспышками, выскочила из динамиков какофонией звуков. Макар медленно повернулся к жене.

– Чего-о? – поморщился он.

– Н-нам надо развестись – задыхаясь, повторила Катя.

Макар заскрежетал зубами, сжал пульт в руке.

– Гормоны в голову ударили? – грозно спросил он.

Катя тряхнула головой, опустила глаза.

– Нет. Я подаю на развод.

Фильм на вечер уже никто не искал. В мгновение ока пульт ударился о стену и разлетелся на куски. Разъяренный Макар вскочил с дивана и подлетел к жене.

Катя вытаращила глаза.

– Ты что себе позволяешь, а? – процедил он Кате в лицо. – Я днями пашу-пашу ради тебя, ради детей! А что получаю взамен? Скандалы, истерики, нервотрепку? Я тоже не железный, Катя! Думаешь, раз ты беременна, то все перед тобой кланяться должны? Вот!

Макар ткнул фигой в нос жене. Катя молча увернулась.

– Разводится она! Думаешь, прям щелкнешь пальцем, и за тобой очередь выстроится? Да кому ты нужна? Запомни раз и навсегда: для нормального мужика жениться на бабе с прицепом – позор!

Катя сглотнула.

– Я никому навязываться не собираюсь.

Макар усмехнулся, выпрямился, убрал руки в карманы.

– Ну да, ну да Все вы так говорите, – фыркнул он и вальяжно упал на диван.

– Думай что хочешь. Мое решение окончательное. Этот цирк надо заканчивать.

Макар всплеснул руками, повысил голос.

– Да бедняжка ты наша!

Катя встала с кресла, обхватила трясущимися руками поясницу. Дочь в животе беспокойно заворочалась.

– Ты с самой школы об меня ноги вытирал, а я, дура, этого замечать не хотела, – едва сдерживая слезы огрызнулась Катя. – Твоя мать меня за человека не считает, а тебе все равно! Жизнь сломала, да? Помешала городскую в Ростове найти? Ну извини! Искренне желаю тебе счастья, здоровья и удачи! А мы поехали. Пока!

Макар настиг жену на пороге спальни и вцепился в предплечье.

– Стой, дорогуша! Уйдешь ты одна! Сын будет жить со мной! – прохрипел он.

Катя резко одернула руку и стукнулась локтем о дверной косяк.

– Не будет! – крикнула она. – Я порядочная мать, и суд не отберет у меня ребенка.

Губы Макара задрожали, растянулись в кривой ухмылке.

– Если я узнаю, что ты уходишь к другому, тебе хана.

Муж разжал побелевшие пальцы, выскочил из дома.

На руке Кати остались красные следы и вдавленные улыбки от ногтей.

Скандал вышел грандиозным. Евгения Васильевна уговаривала зятя не воспринимать слова дочери всерьез и дать ей время одуматься. Свекровь же требовала поставить обнаглевшую невестку на место, расторгнуть злосчастный брак и через суд определить место жительства внука.

В маленьком полупустом отделении почты пахло свежими газетами и бытовой химией. Время здесь будто остановилось, хоть стрелки на простеньких настенных часах неизменно шли по своему маршруту: те же самые аккуратно выкрашенные персиковой водоэмульсионкой стены, на которых красовались яркие журналы и рекламные плакаты, белый потолок с хорошо заметными неровностями и местами затертый коричневый линолеум. Это отделение выглядело одинаково хоть в том настоящем, хоть в этом.

Катя заняла очередь за пожилым мужчиной с целым ворохом квитанций.

– Билетик у вас купить, что ли? – рассуждал вслух посетитель.

– Берите, конечно! – подбодрила оператор. – Верить в удачу нужно всегда.

Мужчина махнул рукой и зашелестел купюрами.

– Давайте парочку.

Катя беспокойно теребила в руках уведомление о вручении заказного письма. На почту она заскочила по пути в суд, поэтому ожидание было сейчас для нее особенно томительным.

День выдался на редкость солнечным. Согретая после проливных дождей молодая зелень изо всех сил тянулась вверх, омытые от пыли листочки игриво перешептывались на кронах деревьев. Аромат новой жизни витал в воздухе.

Катя подала на развод. Из суда она вернулась ближе к трем часам дня. Отец до вечера уехал по делам, а у матери был выходной.

– Мам, я дома, – крикнула Катя с порога.

Никто не ответил. Только посуда загрохотала на кухне.

– Ма-а-ам, ты чего молчишь? – переспросила Катя, двигаясь на шум.

Мать швырнула начищенную кастрюлю в мойку.

– А что тебе сказать?! – выпалила она. Евгения Васильевна, как и дочь, в минуты беспокойства искала отдушину на кухне. – Бросить мужа, когда один ребенок только ходить научился, а второй еще в животе сидит – это ж какой дурой надо быть? Да еще какого мужа-то, а! Ты о детях подумала башкой своей?! Найдешь себе какого-нибудь полудурка, а с ними

что? Лучше будет, думаешь? Каждый день уходить на работу и гадать, не издевается ли он над ними?! – до хрипоты кричала мать.

– Ма, прекрати! – дрожащим голосом ответила Катя. – Ненормально – это в подушку рыдать ночами, а наутро жить не хотеть. Лучше я одна останусь с детьми, чем с ним.

– Да кто ж тебя замуж гнал? Бабушка как не хотела этой свадьбы! А мы с отцом, два идиота: «Дочка полюбила, пусть живут. Не будем жизнь ей ломать». Пожили бы в своем Ростове да и разбежались! Так нет же! Нам же бере-е-еменеть приспичило! А потом виноваты все остались!

– Мама, ты что такое говоришь?! Я любила Макара – пыталась так же выкрикнуть Катя, но ее слова застряли в горле. – Убить меня теперь за это?

Невесть откуда за спиной дочери появился отец.

– Женя, успокойся! – тихо приказал он. – На улице слышно, как ты орешь. Всех довести решила? Внук под виноградником спрятался и сидит плачет, пока бабка мать клянет по-всякому.

Евгения Васильевна фыркнула, метнула на мужа и дочь колючий взгляд.

– Я никогда тебе этого не вспоминал, но сейчас все выскажу! – продолжил Максим Леонидович.

Катя отошла в сторону, испуганно взглянула на отца и легонько обхватила его за плечи, чтобы успокоить. Максим Леонидович стряхнул с себя руки дочери.

– А не забыла ли ты, Женя, как твой сын предсмертную записку до армии писал? Нет? – вскинул бровь отец.

Его лицо исказилось, скулы задрожали. Мать побелела как полотно. Катя отшатнулась.

– Это ты Аню тогда на аборт отвезла! – выпалил Максим Леонидович и гневно ткнул пальцем в сторону жены. – А за нее, сироту, и заступиться было некому. Натворили они с Гришей дел, да. Молодыми были. Как и мы с тобой когда-то. Помнишь? А теперь что? Вместе с внуком и сына потеряли! Как чужой! Аня ему и нам назло замуж за первого встречного выскочила, который бил ее каждый день. А ты помнишь, Женя, как Гришу чуть с работы не выперли? Ну, когда Аня наряд вызвала Он на ее муженьке живого места не оставил! Хорошо, хоть камеры у людей записали, что Гриша в гражданской одежде был! Как лучше хотела, говоришь?

Евгения Васильевна отвела взгляд в сторону. Половина ее лица непроизвольно задергалась.

– А если ты умный такой, то почему тогда промолчал? За бабьей спиной проще спрятаться, да? Дети Они сами были как дети! Аня что, на выпускной с пузом пошла бы? А Гриша? Бросил бы учебу и пошел в колхоз пыль глотать, чтобы жену и дитя прокормить? Не такой жизни я сыну хотела! У них бы тогда все равно ничего не получилось, и остался бы ребенок никому не нужный.

– Да и пускай не вышло бы! Но это были бы их ошибки! А дитя мы бы сами воспитали, потому что он наш, Круглов! – отец все сильнее багровел, на его лбу проступила испарина. – Я же тебя просил не лезть, Женя! Но ты плевала на всех! Да, я тоже виноват. Виноват, что не заступился! Поэтому дочку я тебе на растерзание не отдам. Не нравится? Одна живи! А мы вместе... уйдем, – прохрипел отец и со стоном попятился назад.

Максим Леонидович прислонился спиной к стене, медленно пополз вниз. Одной рукой он хватался за сердце, второй – отчаянно тянул рубашку на груди. Пуговицы с треском отрывались и падали на пол.

– Папа! – истошно закричала Катя и побежала за телефоном.

Евгения Васильевна бросилась на помощь.

Бригада медиков подросла быстро. Отца увезли в больницу. Мать поехала с ним. Машина скорой помощи давно скрылась из виду, а Катя по-прежнему стояла у калитки, прильнув щекой к холодному металлу, и глядела ей вслед.

Наедине с собой воспоминания о злосчастной ссоре настойчиво полезли в голову. От начала и до конца. В мельчайших подробностях.

«Так вот в чем дело Аня и Гриша расстались, потому что Аня забеременела в одиннадцатом классе, и мама заставила ее сделать аборт. Теперь понятно, почему в том настоящем папа не хотел приходить на день рождения Севы. Если свекровь давила на больное, значит, она могла обо всем знать и донимать специально. Но в том настоящем у Ани и Гриши ведь родилась Варенька. Так может быть, и в этом настоящем она появится? Получается, еще восемь лет ждать? Ох, как долго» – тяжело вздохнула Катя.

Легкий ветерок пробрался под подол свободного платья и защекотал живот. Катя растерла ладонями похолодевшие предплечья, помялась с ноги на ногу, глянула вниз. Из дома она выскочила в комнатных тапочках. Катя приложила ладонь к животу, чтобы облегчить внезапную тянущую боль, и оторопела. По телу рассыпался жар.

«Сева Под виноградом сидит!» – с ужасом подумала она и поспешила к сыну.

Сева дрожал, громко всхлипывал и не отрывал взгляд от калитки. Его красные от слез глаза казались не по-детски огромными.

– Зайка, иди к маме, – ласково позвала Катя и протянула руки к малышу.

Сева не шелохнулся.

– Де де-да? – спросил он, заикаясь.

Катя на выдохе опустила плечи, присела на корточки.

– К доктору уехал, сынок.

Сева с недоверием посмотрел на маму, затем опять на калитку и снова на маму.

– А ба-ба?

– А бабушка с ним вместе, чтобы деда не боялся Пойдем их в доме подождем?

Малыш вытер слезы, качнулся в сторону и нехотя поднялся на ноги. Сева упал в объятия матери, едва успев приблизиться к ней. Катя в ответ прижала к себе ребенка так сильно, как только смогла.

– Прости нас, – прошептала она ему на ушко.

– Мг, – ответил малыш.

Утро следующего дня выдалось дождливым. Тяжелые серые тучи опять сурово растянулись по небу и спрятали от весеннего солнца пробуждающийся мир. Катя обожала пасмурную погоду, но не сейчас, а осенью.

Катя и Евгения Васильевна собрали пакет домашней еды, отвели Севу в детский сад и отправились к отцу в больницу. Впервые за несколько лет мать и дочь куда-то шли вместе и просто говорили. О вчерашней ссоре никто не вспоминал.

Отец сидел в больничной постели и все поглядывал на открытую дверь. Наконец из коридора послышались знакомые голоса.

– Папа! – завизжала Катя и бросилась к папе.

– Привет, моя рыбка! – ласково ответил отец и поймал дочь в объятия.

Евгения Васильевна молча подошла и поцеловала мужа. Максим Леонидович приобнял ее свободной рукой.

Вид у отца был не из лучших: бледный, ссутулившийся, он будто терялся на фоне больничной койки.

Катя подседела ближе к папе, положила голову ему на грудь. Пока отец гладил дочь по голове, она слушала, как спокойно бьется его сердце, и старалась не уснуть. Ночь выдалась беспокойной. Катю мучили то свои кошмары, то кошмары сына.

– Доча, мы тут с мамой посоветовались и решили, что оставим тебе дом бабы Таи. Чтобы все по-честному было, – тихо начал Максим Леонидович.

Катя подняла на отца сонные глаза.

– А-а? – переспросила она.

– Я говорю, что оставим тебе дом бабы Таи, – громче повторил отец. – Грише достанется наш с мамой дом. Он хоть с ремонтом, но маленький, и от школы с садиком далеко. А у бабы Таи прям раздолье, центр под боком. Хороший ремонт сделаем и все.

Отец повернулся к матери.

– Да, Жень?

– Да, – кивнула Евгения Васильевна. – Дом крепкий. Отец мой на совесть строил.

Катя приподнялась, выпрямила спину.

– Дом бабушки? Мне?! Да я только рада буду! – ответила она. – Спасибо вам огромное!

Родители улыбнулись, переглянулись.

– Как только разведешься, сразу же оформим, – сказала Евгения Васильевна.

Катя украдкой посмотрела на мать, но не смогла отвести взгляд.

«Будто просияла, – подметила она. – Видимо, тоже рада, что бабушкин домик оживет».

– Вот выйду из больницы, и сразу за ремонт возьмемся, – строил планы отец.

– Пап, там бы в первую очередь крышу поменять, – спохватилась Катя. – Она только кажется нормальной. Еще чуть-чуть, и дом зальет. Обои, полы, окна – это уже мелочи. Со временем сама справлюсь.

– Да? – вскинул бровь Максим Леонидович. – А я отопление хотел заменить Сейчас и котлы экономичнее, и трубы по-новому делают. Говорят, в доме тепло, а за газ меньше платить приходится.

Катя замотала головой.

– Нет, пап. Не потянем все сразу. Отопление же нормальное? Не замерзлось?

– Нормальное, – ответила мать. – Мы сливали воду.

– Вот! – вскинула брови Катя. – Пусть остается, как есть. Отопление – дело наживное, а вот без новой крыши – совсем никак.

– Ну, – пожал плечами отец. – Как скажешь. Теперь ты там хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.